

Н. ВОЛКОВ

Художественники

Артистов Московского Художественного театра часто называют простым словом «художественники». За этим скромным именованьем скрывается образ людей, самоотверженно трудящихся в области сценического искусства, тех, для кого личные интересы всегда отступают перед интересами того дела, которому они служат. Это мастера театра, соединяющие высокую культуру и интеллигентность с тем бурным исканием нового содержания и новых форм в искусстве, которые всегда присущи полному талантам. Эту высокую интеллигентность деятелей Художественного театра когда-то восхищённо отмечал А. М. Горький в своих письмах к А. П. Чехову, а сам Чехов любил подчеркнуть, что артисты Художественного театра совсем не похожи на актёров в обычном смысле этого слова.

Когда в 1898 году Н. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский основывали свой Художественно-общедоступный театр, они и мыслили его театром особого типа, театром, в котором всё поставлено на службу искусству и работа в котором не только доставляет высокую радость, но и возлагает громадную ответственность.

Это чувство ответственности, эта суровая этика творчества придает искусству художественников черты глубокого и целеустремлённого проникновения в тайны сценического мастерства. Они — «народники» в лучшем смысле этого понятия, потому что для них народ, родная земля, отечество — это та атмосфера, в которой они только могут жить и творить.

Художественный театр — театр Чехова и Горького, театр великой русской литературы. Это театр русского народа, театр национальный. На этой сцене — в пьесах Гоголя и Грибоедова, Пушкина и Льва Толстого, в романах Достоевского, в сатире Салтыкова-Щедрина, в комедиях Островского — великолепно звучит прекрасный русский язык. В русском языке артистов Художественного театра есть точность московского говора, которым отмечена русская литературная речь, и те чудесные интонации «московский просяк», у которых принимал учиться Пушкин.

Художественники всегда понимали сложность национального русского характера, стремление русского человека искать правду на земле, мечтать о будущем царстве труда, поэтому слова Тушмабаи в «На дне» были на сцене Художественного театра всегда пропущены особой позаней и романтической красотой. И вместе с тем художественники всегда были, есть и будут настоящими реалистами. Они умеют и умеют спускаться в самые глубины человеческой души, раскрывать человеческое поведение, как проявление основных свойств того или иного человеческого характера, поставленного в определённые условия современной или исторической действительности. Это дало возможность Художественному театру ставить пьесы классиков так, что они приобретали современное звучание, и показывать пьесы талантливых современников, как будто они уже приобрели черты классического совершенства.

Художественный театр связан своей деятельностью с историей русской литературы, с историей русского изобразительного искусства. Он дал возможность пьесам Чехова появиться на сцене во всей их сложности и необычайной психологической красоте, он побудил А. М. Горького войти за перо драматурга. В этой связи театра с литературой особая заслуга принадлежит В. И. Немировичу-Данченко, жизнь которого полна громадной литературной и драматургической работы, необычайно активное творчество в области режиссуры и сценической педагогики — в области создания нового типа актёра как драматического, так и музыкального театра.

Сейчас, когда имя этого художника возглавляет список мастеров искусства, которым присуждены Сталинские премии за многолетние выдающиеся достижения в области искусства, никому не кажется, что в этот список вошли люди, уже подводящие итоги своей большой и плодотворной работы. Наоборот, когда думаешь о В. И. Немировиче-Данченко, всегда о нём связывается представление о художнике о неустанном стремлении вперёд, с мастером, который любит в искусстве не тот день, который он прожил, но тот день, который он проживёт в новых исканиях. Вот почему так символически воспринимаем мы имя В. И. Среди тех мастеров, заслуги которых перед родной исключительно велики и драгоценны.

В этом году Художественному театру исполнится 45 лет, и все эти 45 лет его история связана с деятельностью И. М. Москвина и О. Л. Книппер-Чеховой. Их имена стояли первыми в первой программе первого спектакля Художественного театра, которым он открывал свои двери: они были царем Федором и цари-

цей Ириной в трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». И с этого момента и до наших дней они пронесли через свою жизнь, великую любовь к своему отечеству, к своей работе на пользу родного искусства и просвещения. Искусство Москвина — это замечательное проникновение в ту противоречивость человеческих чувств, которая запечатлена в русской драматической литературе. Это и смиренная благость царя Федора, и надрыв Снегирева в «Братьях Карамазовых», и дилёжное вранье Нодрева, и самопожертвование и единство Прокофия Паахкина, и тупицатость Епихонова.

О. Л. Книппер-Чеховой принадлежит высокая честь создания галереи чеховских женщин: Аркадиной в «Чайке», Елены Андреевны в «Дяде Ване», Маню в «Трёх сестрах», Раневской в «Вишневом саду», Анны Петровны в «Иванове». Это разнообразие самых тонких женских чувств, это глубокое знание жизни сердца, раскрытое в чеховских образах чудесным искусством Книппер-Чеховой, обеспечило ей одно из первых мест среди актрис русского театра XX века.

В. И. Качалов вступил в Художественный театр в 1906 году. Молодой артист, он начал свою деятельность ролью среброкудного царя Верейского в «Снегурочке» и с первых же шагов покорил Москву очарованием своего необычайного бархатного голоса, своим особым качаловским обликом, тонким, подчас ироническим и насмешливым, подчас лирическим и сердечным отношением к своим героям. Качалов, как никто, умел раскрывать внутреннюю диалектику человеческой души, те внутренние разговоры, которые человек ведёт надвине с собой. Быть может, поэтому сцена комшара Ивана Карамазова осталась одной из вершин в творчестве Качалова. Но и рядом с этим какая блестящая характеристика, когда Качалов играет роль, требующую громадного сценического преобразования. Тут Качалов вступает, как мастер сценического портрета, и в этом ряду остаются шедеврами балет в «На дне», Анятама в пьесе Леонида Андреева, Цезарь в трагедии Шекспира, Николай I, ведущий допрос декабриста. Качалов любит и умеет выступать на концертной эстраде, он является одним из лучших чтецов как современных, так и классических русских поэтов и прозаиков. Его исполнение «Поэмы о ведем Олеге» Пушкина — это мастерское изображение древней Руси и вместе с тем музыкальное ощущение всей кованой предельности величайшего пушкинского отрока.

М. М. Тарханов вступил в труппу Московского Художественного театра значительно позднее — в 1922 году. Но когда смотришь, как играет Тарханов, кажется, что он был художественником с первого дня существования театра. Он такой же исконно русский актёр, как его брат И. М. Москвин, он так же, как и Москвин, отлично понимает все оттенки русского характера. Тарханову театр обязан рядом великолепных горьковских образов. Здесь он на высоте социальной правды горьковских пьес. Тарханов с необычайной яркостью воскрывает животную натуру будочника Семенова и писемпрорка «В людях». Он с тонким лукавством играет Луку в «На дне» — образ, так ярко воплощённый первым исполнителем этой роли — Москвиным. Он даёт исключительный по силе сатирический образ генерала Печенегова во «Врагах». И рядом с этим — законченный сценический портрет Собакевича, для которого Тарханов нашёл такие неподвижные позы, такие угловатые жесты, такую медвежью массивность...

Черты яркой русской живости отмечает и творчество представительницы среднего поколения Художественного театра — Ф. В. Шевченко. Она пришла в Художественный театр из студии, где сыграла с такой дивной грацией чеховскую «Ведьму». В театре она создала образ, как будто сошедший с полотен Кустодиева. Это Настасья Ивановна в «Смерти Паахкина», Матреша в «Горьчем сердце», страшная по своему звериному сердцу Василиса в «На дне» и грубая провинциальная прелестница Васка в «Утином озере» Леонова.

Шесть имён художественников находим мы в списке Сталинских лауреатов 1942 года, и каждый из этих мастеров своим творчеством и своими многолетними достижениями говорит о том, что искусство Московского Художественного театра — это искусство глубоко национальное, глубоко своеобразное, глубоко жизненное и правдивое. И в дни великой отечественной войны Художественный театр продолжает потеваться театром, чьи творческие замыслы и помыслы связаны неустанно и непрерывно с той героической борьбой, которую советский народ, его Красная Армия ведут на огневых линиях фронта. Художественный театр и в эти ответственные грозные дни продолжает жить, творить и работать с твёрдой верой, что недалёк день победы и новый расцвет советского искусства в свободной, радостной, победившей стране.